

Поэма Абидосская невестка

Category: Kitarcy, Poesmalar

написано kitarcy | 24 января, 2025

Поэма Абидосская невестка ПОЭМА АБИДОССКАЯ НЕВЕСТА

Турецкая повесть

**«Не люби мы упоенно,
Не люби мы ослепленно.
Встреч не знай мы иль разлуки, –
Не терзали б сердце муки.»***
Бернс.

«Достоуважаемому лорду Холланду
Эту повесть посвящает
С чувством истинного уважения
Его искренно благодарный друг.»
Байрон.

Песнь первая

I

Кто знает край далекий и прекрасный,
Где кипарис и томный мирт цветут
И где они как призраки растут
Суровых дел и неги сладострастной,
Где нежность чувств с их буйностью близка,
Вдруг ястреб тих, а горлица дика?
Кто знает край, где небо голубое
Безоблачно, как счастье молодое,
Где кедр шумит и вьется виноград,
Где ветерок,носящий аромат,
Под ношею в эфире утопает,
Во всей красе где роза расцветает,
Где сладостна олива и лимон,
И луг всегда цветами испещрен,

И соловей в лесах не умолкает,
Где дивно все, вид рощей и полян,
Лазурный свод и радужный туман,
И пурпуром блестящий океан,
И девы там свежее роз душистых,
Разбросанных в их локонах волнистых?
Тот край – Восток, то солнца сторона!
В ней дышит все божественной красою,
Но люди там с безжалостной душою;
Земля как рай. Увы! Зачем она –
Прекрасная – злодеям предана!
В их сердце месть; их повести печальны,
Как стон любви, как поцелуй прощальный.

II

Собрав диван, Яфар седой
Сидел угрюмо. Вкруг стояли
Рабы готовую толпой
И стражей быть и мчаться в бой.
Но думы мрачные летали
Над престарелюю главой.
И по обычаям Востока,
Хотя поклонники пророка
Скрывают хитро от очей
Порывы бурные страстей –
Все, кроме спеси их надменной;
Но взоры пасмурны, смущенны
Являли всем, что втайне он
Каким-то горем угнетен.

III

«Оставьте нас!» – Идут толпою. –
«Гаруна верно ко мне!»
И вот, Яфар наедине
Остался с сыном. – Пред пашою
Араб стоит: – «Гарун! Скорей

Иди за дочерью моей
И приведи ко мне с собою;
Но пережди, чтоб внешний двор
Толпа военных миновала:
Беда тому, чей узрит взор
Ее лицо без покрывала!
Судьба Зулейки решена;
Но ты ни слова; пусть она
Свой жребий от меня узнает».
«Что мне паша повелевает,
Исполню я». Других нет слов
Меж властелина и рабов.
И вот уж к башне отдаленной
Начальник евнухов бежит.
Тогда с покорностью смиренной
Взяв ласковый и нежный вид,
Умильно сын к отцу подходит
И, поклонясь, младой Селим
С пашою грозным речь заводит,
С почтеньем стоя перед ним.
«Ты гневен, но чужой виною,
Отец! Сестры не упрекай,
Рабыни черной не карай...
Виновен я перед тобою.
Сегодня раннею зарей
Так солнце весело играло,
Такою светлою красой
Поля и волны озаряло,
Мой сон невольно от очей
Бежал; но грусть меня смущала,
Что тайных чувств души моей
Ничья душа не разделяла;
Я перервал Зулейки сон, —
И как замки сторожевые
Доступны мне в часы ночные,
То мимо усыпленных жен
Тихонько в сад мы убежали, —

И рощи, волны, небеса
Как бы для нас цвели, сияли,
И мнилось: наша их краса.
Мы день бы целый были рады
Вдаваться сладостным мечтам,
Междуна сказки, песни Сади
Еще милей казались нам, –
Как вещей грохот барабана
Мне вдруг напомнил час дивана, –
И во дворец являюсь я:
К тебе мой долг меня приводит.
Но и теперь сестра моя –
Задумчива – по рощам бродит.
О, не гневись! Толпа рабов
Гарем всечасно охраняет,
И в тихий мрак твоих садов
Лукавый взор не проникает».

IV

«О сын рабы!» – паша вскричал:
«Напрасно я надеждой льстился,
Чтоб ты с годами возмужал.
От нечестивой ты родился!
Иной бы в цвете юных дней
То борзых объезжал коней,
То стрелы раннею зарею
Бросал бы меткою рукою,
Но грек не верой, грек душой,
Ты любишь негу и покой,
Сидишь над светлыми водами
Или пленяешься цветами;
Ах! признаюсь, желал бы я,
Чтоб, взор ленивый веселя,
Хотя б небесное светило
Твой слабый дух воспламенило!
Но нет! Позор земли родной!

О! если бурною рекой
Полки москвитян нахлынут,
Стамбула башни в прах низринут
И разорят мечом, огнем
Отцов заветную обитель!
Ты, грозной сечи вялый зритель,
Ты лен пряди, – и стук мечей
Лишь страх родит в душе твоей;
Но сам ты мчишься за бедою;
Смотри же, чтоб опять с тобою
Зулейка тайно не ушла!..
Не то – вот лук и вот стрела!»

V

Уста Селимовы молчали;
Но взор отцов, отцова речь
Убийственной, чем русский меч,
Младое сердце уязвляли.
«Я сын рабы? Я слаб душой!
Кто ж мой отец?.. Давно б иной
Пал мертвый за упрек такой».
Так думы черные рождались,
И очи гневом разгорались,
И гнева скрыть он не хотел.
Яфар на сына посмотрел –
И содрогнулся... Уж являлась
Кичливость юноши пред ним;
Он зрит, как раздражен Селим
И как душа в нем взбунтовалась.
«Что ж ты ни слова мне в ответ?
Я вижу все: – отваги нет,
Но ты упрям, а будь ты смелый
И сильный, и годами зрелый,
То пусть бы ты свое копье
Переломил – хоть о мое».
И взгляд презренья довершает

Паши насмешливый укор;
Но дерзкий вид, обидный взор
Селим бесстрашно возвращает, –
Сам гордо на него глядит,
Гроза в очах его горит,
И старец взоры опускает,
И с тайной злобою молчит.
«Он мне рожден для оскорбления,
Он мне постыл со дня рожденья,
Но что ж? – Его без силы длань
Лишь серну дикую и лань
Разит на ловле безопасной;
Его страшиться мне напрасно.
Ему ли с робкою душой
За честь лететь на страшный бой?
Меня кичливость в нем смущает,
В нем кровь... чья кровь?.. Ужель он знает?..
В моих очах он, как араб,
Как в битвах низкий, подлый раб;
Я усмирю в нем дух мятежный! –
Но чей я слышу голос нежный?..
Не так пленителен напев
Эдемских светлооких дев.
О, дочь! Тобою жизнь яснее.
Ты матери своей милее, –
С тобою мне, под сумрак лет,
Одне надежды, горя нет;
Как путника в степи безводной
Живит на солнце ключ холодный,
Так веселит взор жадный мой
Явленье пери молодой.
Какой поклонник в поднебесной
Перед гробницею чудесной
Пророка пламенной молил!
Кто так за жизнь благодарил,
Как я за дочь, мою отраду,
Его прекрасную награду?

Дитя мое... О, сладко мне
Благословенье дать тебе!»

VI

Пленительна, светла, как та мечта живая,
Которая с собой несет виденья рая
Страдальца горестным, призраков полным сном,
И радует тоску, что встреча есть сердцам,
Что в небе отдана отрада нам земная,
Мила, как память той, чей свят бесценный прах,
Чиста, как у детей молитва на устах –
Была Яфара дочь. – Заплакал вождь угрюмый,
Когда она вошла, и не от мрачной думы.
Кто сам не испытал, что слов на свете нет –
Могучей красоты изобразить сиянье?
Предстанет ли пред кем? В душе очарованье,
Бледнеет, и в очах затмится божий свет,
И, сладостно томясь, веселый и унылый,
Он сердцем признает всю власть чудесной силы.
Зулейка так блестит той прелестью молодой,
Которой имя нет, безвестной ей одной,
Невинностью цветет, любовью пламенеет,
И музыка у ней с лица как будто веет,
И сердце нежное льет жизнь ее красам.
А взор? – О, этот взор – он был душою сам!
Она вошла – главу склонила
И руки белые крестом
На перси чистые сложила, –
И перед сумрачным отцом
С улыбкою смиренной стала,
И на плечо к нему припала,
И белоснежную рукой
Приветно старца обнимала.
Лаская дочь, Яфар немой,
Унылый, – дело начатое
Уже готов был отменить;

Яфар боялся погубить
Ее веселье молодое;
Он чувством был прикован к ней:
Но гордость в нем всех чувств сильней.

VII

«Зулейка – сердца утешенье!
Тебе сей день докажет вновь
Мою отцовскую любовь;
С тобой мне тяжело разлученье;
Но я, забыв печаль мою,
Тебя в замужство отдаю;
Жених твой славен, – меж военных
Он всех храбрей; Осман рожден
От древних, доблестных племен,
От Тимарьетов неизменных,
Никем, нигде непобежденных;
И словом, я тебе скажу,
Он родственник Пасван-оглу.
До лет его какое дело!
Не юноши искал я сам;
Тебе ж приданое я дам,
Которым ты гордися смело.
Когда ж все будет свершено, –
И наши силы заодно,
То посмеемся мы с Османом
Над жизнь отъемлющим фирманом:
Лишь головы не сбережет,
Кто в дар снурок к нам привезет.
Теперь моей внимая воле,
Послушна мне, ему верна,
Уже ты с ним искать должна
Любви и счастья в новой доле».

VIII

И дева юною главой

Безмолвна робкая поникла,
И весть разящую стрелой,
Казалось, грудь ее проникла.
В смятении тяжком и немом
И чувствам воли дать не смея,
Она стояла пред отцом
Бледна, как ранняя лилея;
И вздох прокрался, – на щеках
Зарделись девственные розы
И на потупленных очах
Невольню навернулись слезы.
Что может, что с твоей красотой,
Румянец девственный, равняться!
И жалость нежная тобой
Всегда готова любоваться!
И что, что может так пленять,
Как слезы красоты стыдливой!
Их жаль самой любви счастливой
Лобзаньем страстным осушать!
Но уж о том, как с ней одною
Селим в саду гулял зарею,
Иль не хотел, иль позабыл,
Яфар совсем не говорил. –
Он трижды хлопает руками,
Чубук в алмазах с янтарями
Рабам вошедшим отдает;
Уж конь его арабский ждет,
Он бодро на него садится,
И в поле чистое летит –
Смотреть воинственный джирид;
Пред ним, за ним несется, мчится
Дельгисов, мамелюков рой
И черных мавров легкий строй;
Готовы дротики тупые,
Кинжалы, сабли уж блестят;
Туда все скачут, все летят,
Лишь у ворот неподкупные

Татары на часах стоят.

IX

И подгорюнясь, думы полный,
На синие морские волны
Угрюмый юноша взирал:
Меж Дарданелл они сверкали,
Струились тихо и плескали
В излучинах прибрежных скал;
Но он, унылый, не видал
Ни моря с синими волнами,
Ни поля с дальними холмами,
Ни чалмоносцев удалых,
Стремящихся перед пашою
Шум грозный сечей роковых
Представить бранною игрою;
Не видит он, как к облакам
Их кони вихрем прах взвывают,
Как сабли острые мелькают
И как с размаха пополам
Чалмы двойные рассекают;
Не слышит он, как громкий крик
За свистом дротиков несется,
И как в долине раздается:
Алах! Алах! Их дикий клик;
Душа полна мечтой одною —
Яфара дочерью младую.

X

Задумчиво сидел Селим,
Печален, бледен, недвижим, —
И сквозь решетки он безмолвно
Взор мрачный в поле устремлял...
Вздохнула дева, вздох неволью
Ее все думы рассказал.
Такой внезапно грозою

Душа Зулейки смущена;
Ах, разной с ним, но и она
Уже волнуется тоской
В любви младенческой, живой:
У ней так нежно сердце билось;
Но вдруг теперь в груди молодой
Невнятно что-то пробудилось,
Какой-то стыд, какой-то страх,
И речь немеет на устах;
И можно ль долго ей таиться?
И как начать? И в чем открыться?
«Что может так его томить?
Зачем ему меня чуждаться?
Не так мы с ним привыкли жить,
Не так нам должно расставаться!»
И вот нарочно вокруг него
Прекрасная в раздумье ходит:
А он и взора своего
Уже на деву не возводит.
Но что ж – кувшин в углу блестит
С персидской, розовой водою;
Она к ней весело летит,
И плещет легкою рукою
На стены мраморны с резьбою,
На златотканые ковры,
Восточной роскоши дары;
Потом на милого взглянула;
К нему бросается стрелой, –
И вдруг душистою водой,
Резвясь, на юношу плеснула;
Но он не слышит, не глядит,
И под одеждой парчевою
Вода душистая бежит
Студеною по нем струею,
А он не чувствует. – Селим
Сидит, как мрамор, недвижим.
«Он все молчит, тоской томимый;

Но разгоню его мечты...
Бывало, он любил цветы,
И я ему цветок любимый
Сама сорву, сама подам».
И дева кинулась к цветам,
Весельем детским оживилась.
И роза мигом сорвана –
И вот бежит, и вот она
У ног Селима очутилась.

* * *

«Любовник розы – соловей
Прислал тебе цветок свой милый;
Он станет песнею своей
Всю ночь пленять твой дух унылый.

* * *

Он любит петь во тьме ночей, –
И песнь его дышит тоскою;
Но с обнадеженной мечтою,
Споет он песню веселей.

* * *

И с думой тайною моею
Тебя коснется пенья сладость,
И напоет на сердце радость
Любовник розы – соловей».

XI

«Но ты цветка не принимаешь,
И гнев на горестном челе, –
Уж ты со мною не играешь!
Скажи, кому ж ты мил, как мне?
О, мой Селим! О, сердцу милый!
Меня страшит твой взор унылый,
Ужель меня ты разлюбил?
Ах! Если выдумкой напрасной

Твоей тоски не усладил
И соловей мой сладкогласный, –
На грудь ко мне склонись, склонись.
Вот поцелуй – развеселись!
Родитель грозный мой с тобою,
Я знаю, и суров и строг;
Но ты к нему привыкнуть мог,
И как за то любим ты мною!
Увы! Не то ль крушит тебя,
Что замуж выдают меня?
Осман, жених мой нареченный,
Он, может быть, он недруг твой!
Клянусь же Меккою святой,
Клянусь любовью неизменной,
Когда не ты велишь мне сам,
Султану я руки не дам!
Ужель, Селим, тебя лишиться
И сердцем мне с другим делиться?
О! Если б что, какой судьбой,
Меня с тобою разлучило, –
Кто будет друг-хранитель мой.
И быть кому твоею милой?
Не бил и не пробьет для нас
Ужасный расставанья час!
Сам Азраил, явясь пред нами,
С колчаном смерти за плечами,
Стрелой одною нас сразит
И в прах один соединит!»

XII

Он ожил, дышит, зрит, внимает;
Он деву тихо поднимает,
Печали нет, исчез укор,
И вся душа в очах сверкает, –
И думы тайной полон взор.

Как спертый дубами

Поток, разъярясь,
Бушует волнами,
В долину стремясь;
Как ночью зарницы
Из тучи блестят, –
Сквозь темны ресницы
Так очи горят.
Ни конь, оживленный
Военной трубой,
Ни лев, уязвленный
Внезапной стрелой,
Ни варвар, смятенный
Полночной порой,
Страшней не трепещет,
Когда вдруг заблещет
Кинжал роковой.

Как он, в пылу любви мятежной,
Дрожал при клятве девы нежной,
И все, что думал, что таил,
В порыве пламенном открыл:
«Моя, и будешь ты моею!
Моя и здесь, моя и там!
Мы клятвой связаны твоею,
Она свята обоим нам;
Ту клятву, верь, – ее внушила
Тебе таинственно любовь.
Не знаешь ты, какую кровь
Она одна остановила!
Но не бледней – тобой, в тебе
Все мило, все священо мне.
Я всех сокровищ драгоценных,
У Истакара сокровенных
В пещерах глубоко в земле,
За кудри не возьму младые,
Небрежно в кольца завитые
На девственном твоём челе.

Как страшно тучи надо мною
Сегодня грянули грозою...
Мне смел сказать родитель твой,
Что вял и робок я душой,
Что будто я рожден рабой...
Теперь узнает он, надменный,
Кто сын рабы его презренной!..
Увидит он, таков ли я,
Чтоб мог он утрашить меня!
И по тебе, быть может, снова
Я назову его отцом.
Но о сердечном, о святом
Обете нашем ты ни слова.
Известен мне коварный бей...
Он смел искать руки твоей!
Его чины, его именья, —
Плоды неправды, ухищренья.
Он с Негропонтских берегов,
Не лучше родом он жидов.
Но знай, судьба не так сурова,
Лишь тайной клятвы не открой,
А спор ему иметь со мной!
Уж месть на черный день готова —
Есть и кинжалы, и друзья...
И ты не ведаешь, кто я».

XIII

«Кто ты? О! Что ж ты изменился?
Давно ль румяная заря
Веселым видела тебя,
И вдруг тоскою омрачился;
Ты знал, нельзя любви моей
Ни охладеть, ни быть живей;
Дышу надеждою одною
Твой взгляд, улыбку, речь ловить,
Тобою сердце веселить,

И жить, и умереть с тобою.
И, может быть, ночную тень
За то одно я ненавижу, –
Что лишь когда сияет день,
Селима я свободно вижу;
Целуй меня, целуй, целуй
В уста, и в очи, и в ланиты!
Но, ах! Он жжет – твой поцелуй,
Пылает в нем огонь сокрытый;
Уж и меня объемлет страх,
Я вся дрожу и пламенею, –
И стелется туман в очах, –
И чувствую, что я краснею.
Хочу я нежностью живой
Лелеять милого покой,
С ним разделять и жизнь, и сладость,
И бедность весело сносить!..
С тобой во всем найду я радость,
Лишь бы тебя не пережить...
О, нет, нельзя желать Селиму
Еще нежнее быть любиму.
Любить нежней могу ли я!
Но ты и взором, и речами
Наводишь ужас на меня!
Что за кинжалы, за друзья?
Какая тайна между нами?
И клятву наших двух сердец
Хотя б узнал Яфар угрюмый,
Уж над моей сердечной думой
Не властен грозный мой отец.
Но верь, Селим, моей надежде –
Не приневолит он меня!
Могу ль я не любить тебя,
Тебя, кого любила прежде?
С тобою вместе детских дней
Часы веселые летели,
С тобой играла в колыбели, –

Ты спутник младости моей.
Что ж хочешь ты, чтоб мы таились
В любви прекрасной и святой,
Невинной нашею мечтой,
Которой прежде мы гордились?
Законы наши, вера, бог
Велят нам жить безвестно в свете;
Но для меня ль пророк был строг
В своем таинственном завете?
В уделе, сердцу дорогом,
Он все мне дал в тебе одном.
Ах! И меня печаль терзала! –
Как руку незнакомцу дать?
Отцу я все бы рассказала:
Но ты, Селим, велишь молчать.
С душой неопытной, простою,
Ужасен мне обмана вид,
И что-то все, грозя бедою,
Как тяжкий грех, тебя страшит.
Но вот уж кончился джирид,
И Чекодар летит обратно,
И вот отец с забавы ратной!
Боюсь взглянуть я на него...
Селим, скажи мне, отчего?»

XIV

«Зулейка, ты спеши укрыться
В высоком тереме своем,
Я должен, я могу явиться
Перед разгневанным отцом.
Внезапно с берегов Дуная
К нам весть примчалась роковая,
Визирь писал, что враг разбит,
А сам от гяуров бежит;
Но подвигам вождя такого
И у султана мзда готова!

Когда же барабанный бой
Военным ужин и покой
С вечерней возвестит зарю,
Тогда во тьме, никем незрим,
В гарем прокрадется Селим, –
И мы уйдем порой ночью
Чрез сад, – на берегу морском,
Уединенном и крутом,
В тиши беседовать с тобою.
Не бойся, будут нас стеречь
И темна ночь, и острый меч. –
Гарун за нас, и в час урочный...
Решись, Зулейка, не робей!»
– «Робеть с тобой!..»
– «Иди ж скорей,
Гарема ключ в руке моей;
Узнаешь ты, во тьме полночной,
Мой рок, мой страх, мои мечты.
И я не то, что мнила ты».

Джордж БАЙРОН.

Песнь первая Песнь вторая * Перевод – Г. Шенгели Перевод поэмы
– Ив. Козлова. Poemalar